

2. Ismailov A. R. *Likvidatsiya negramotnosti v Dagestane* [Elimination of illiteracy in Dagestan]. Makhachkala, Dagkngoizdat Publ., 1970, 135 p.
3. Kaymarazov G. Sh. *Prosveshhenie v dorevolyuetsionnom Dagestane* [Education in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1989, 183 p.
4. Kaymarazov G. Sh. *Kulturnoe stroitelstvo v Dagestane* [Cultural construction in Dagestan]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1960, 246 p.
5. *Kulturnoe stroitelstvo v Dagestanskoj ASSR. 1918–1941* [Cultural construction in Dagestan ASSR]. Makhachkala, Dagestan State Publ., 1980, vol. 1 “Sbornik dokumentov”, 253 p.
6. Kurbanaliev M. G. *Konfessionalnoe obrazovanie v Dagestane. Opyt i zadachi issledovanija* [Confessional education in Dagestan. Experience and research problems]. *Istoricheskaya nauka Dagestana: segodnya i zavtra* [Historical science of Dagestan: today and tomorrow]. Makhachkala, Yupiter Publ., 2003, pp. 155–164.
7. Omarova M. M. *Problemy sosushchestvovaniya religioznogo svetskogo obrazovaniya v istorii sovetskogo Dagestana* [Problems of coexistence of religious secular education in the history of the Soviet Dagestan]. *Istoricheskaya nauka Dagestana: segodnya i zavtra* [Historical science of Dagestan: today and tomorrow]. Makhachkala, Yupiter Publ., 2003, pp. 150–156.
8. Ramazanov A. Kh. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie svyazi i kulturnoe razvitie Dagestana v sostave Rossii v 19 – nachale 20 vv.* [The international commercial ties and cultural development of Dagestan as a part of Russia at 19 beginning 20 century]. Makhachkala, 1997, 246 p.
9. Rudolf N. *Plan dalneyshego rasprostraneniya narodnogo obrazovaniya v Dagestanskoj oblasti* [The plan of further distribution of national education in the Dagestan area]. Tiflis, 1913, 42 p.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ МИРОВЫХ ВОЙН С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ)¹

Тимофеева Елена Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Лебедев Сергей Владиславович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dnsv@mail.ru

На территории Астраханского края (Астраханской губернии – в годы Первой мировой войны, Астраханского округа / области – в годы Второй мировой войны) были размещены тысячи военнопленных. Неизбежными становились контакты с населением. Местные жители в большинстве своем относились к ним сочувственно, проявляли заботу и сострадание. Подобное незлобивое отношение астраханцев к пленным подтверждено различными источниками (архивными документами, периодической печатью, воспоминаниями очевидцев). Их изучение и анализ позволяет увидеть черты типичного и особенного в сложной системе взаимоотношений местного общества с военнопленными, отражавшей полярные эмоции к «узникам войны» – от сочувствия до ненависти – в различных регионах России. Статья нацелена на исследование гуманитарных аспектов военного плена. Наше внимание сосредоточено на проблемах бытовой повседневности военнопленных, межличностных отношений в процессе трудовой деятельности, взаимоотношений с местным населением, в том числе с женщинами.

Ключевые слова: военнопленный, мировые войны, местное население, гуманитарный аспект военного плена, лагерь военнопленных, астраханский плен

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00416 «Трагедия плена в мировых войнах: политико-правовые, социально-экономические, культурно-коммуникационные аспекты (на материалах Астраханского края)» (The article was prepared within the framework of the scientific project No. 15-01-00416 “Tragedy of captivity in world wars: political, legal, socio-economic, cultural and communication aspects (on the materials of the Astrakhan region)”).

**SPECIFICITY OF RELATIONS OF PRISONERS OF WOLD WARS
WITH THE LOCAL COMMUNITY
(THROUGH THE EXAMPLE OF ASRAKHAN REGION)**

Timofeeva Elena G., D.Sc (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Lebedev Sergey V., Ph.D (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dnsv@mail.ru

On the territory of Astrakhan region (Astrakhan province – during the First World War, the Astrakhan district / region – during the Second World War), thousands of prisoners were housed. Inevitably becomes a contact with the population. Local residents, most of them, treated them with sympathy, showed concern and compassion. This “peaceful” Astrakhan relation to the prisoners confirmed by various sources (archival documents, periodicals, memoirs of eyewitnesses). Their study and analysis allows you to see the features of typical and special in a complex system of relationships with the local community of prisoners of war, reflected the polar emotions to the “prisoners of war” from sympathy to hatred, in various regions of Russia. The article aims to study the humanitarian aspects of military captivity. Note the authors focused on the everyday household problems of war, interpersonal relations in the course of employment, relations with the local population including women.

Keywords: prisoner of war, World Wars, local population, the humanitarian aspects of military captivity, POW camp, Astrakhan captivity

Спустя месяц после начала Первой мировой войны в Астраханскую губернию прибыла первая партия пленных. Их разместили в губернском центре и уездных городах Енотаевске, Черном Яру, Цареве. Рядовых расселили по казармам, ночлежкам, офицеров – в гостиницах и частных домах. Увеличение численности военнопленных вынудило власти построить в 1915 г. специальный лагерь в Болдинской степи недалеко от железнодорожного вокзала [19, с. 186–187].

По сообщению газеты «Астраханский вестник», «милосердные астраханцы не оставляли пленных без приношения». Арбузы и папиросы целыми пачками передавались пленным. Те ласково улыбались в окна и говорили: “Спасибо”. Все пленные были тронуты добродушием и гостеприимством» [4].

Енотаевский уездный исправник, составляя рапорт о настроении населения г. Енотаевска в декабре 1915 г., писал: «Отношение ... к ... военнопленным хорошее...» [16, с. 589].

По свидетельству солдата австрийской армии Антона Гакена, ведшего в плену дневник, на одном из хуторов слободы Николаевской во время работ в октябре 1915 г. пленные выражали «довольство» пищей. Подмечено и доброе отношение киргизов, снабжавших их хлебом, чаем и рыбой [18, с. 193].

Среди военнопленных, находившихся в Астрахани, было много поляков. По воспоминаниям Янины Рафальской, «... все польские семьи считали священным долгом заботиться о своих соотечественниках. Делать это было легко, так как военнопленные свободно выходили из лагеря, гуляли по городу, сколько хотели. Отец выбирал для работы у себя поляков, предотвращая дальнейшую депортацию, придумывал фиктивные должности, и это как-то сходило с рук. Заключение были из разных слоев, никто не говорил по-русски. Первое время они сильно тосковали по своим семьям и увядали на глазах, но когда начали посещать польские дома, то быстро воспрянули духом. Приходили ежедневно, могли выговориться, поесть, даже похулиганить или, как инженер Бейль, поиграть на фортепьяно. Вспоминаю рассказ весе-

лого господина Новоковского из Львова: «Хожу себе по базару... на прилавке чаша с икрой такого траурного цвета, а блестит весело, продавцы хвалят, приглашают попробовать... я так, конечно, с удовольствием... руками показываю, что без булки не могу... и этот кусочек булочки я намазываю большой ложкой икры... как же вкусно! А на лице – полное разочарование, слишком соленая... на другом прилавке – малосоленая икра... я напробовался и съел полфунта и вот теперь не могу ничего есть, а хочу только пить».

Сочельники у нас были многолюдными, за столом рассаживалось больше десяти пленных. Все закончилось в 1917 г., когда поменялась власть, военнопленных заключили под стражу не на шутку и многих депортировали на восток. Только по воскресеньям им разрешалось ходить в католическую церковь, и там можно было передать знакомым записку или принять посылку.

Наша кухарка, госпожа Сенкевич, пожилая женщина в платке, была совершенно бесстрашной. Она не обращала внимания на охранников и часто передавала пленным что-нибудь поесть» [13, с. 316–317].

Такое отношение к пленным сохранилось в Астраханской губернии до окончания войны, жители проявляли сочувствие к оказавшимся в суровых условиях плена людям. Подобное милосердие исходило, в первую очередь, от женщин, они жалели пленных. В январе 1915 г. корреспонденты «Астраханского вестника» отмечали, что «...некоторые из сердобольных форпостинских баб выносят на базар, всегда заполненный военнопленными австрийцами и немцами, напеченные пироги и раздают их» [18, с. 206]. Обыватели делали это из сострадания к тем, кто «недоедает», – справедливо подчеркивает Е.Ю. Семенова [16, с. 590].

Заметим, подобные эмоции астраханцы проявляли и по отношению к военнопленным Второй мировой войны. Ожесточенная борьба с нацистской Германией сняла все ограничения в применении средств и методов идеологического противоборства. Слово «немец» стало равнозначным слову «враг», а имена Фриц и Ганс стали ассоциироваться с понятиями «убийца» и «насильник». Истребление врага считалось священным долгом и обязанностью каждого воина [12, с. 450]. В глазах обывателя бывший враг становился военнопленным, нуждавшимся в поддержке, сочувствии.

В своей книге Олег Шеин приводит свидетельство астраханца Юрия Ярового об отношении жителей прифронтового города к пленным под Сталинградом и переведенным в Астраханский округ немцам. Они неспешно двигались от железнодорожного вокзала в колонне по улице Анри Барбюса. «По бокам колонны шли наши солдаты с винтовками. У некоторых на поводке были овчарки. Колонна в длину была примерно метров сто, а по ширине – 10–15 человек.

День был пасмурный, крапал дождь, и на дороге образовались лужи. Впереди колонны, судя по форме, шли пленные офицеры немецкой армии, а дальше все как-то вперемешку. Форма офицеров и солдат была до предела потрепанная, грязная. На ногах у некоторых были надеты наши лапти. Многие из военнопленных были перевязаны – у кого голова, у кого руки. Кто-то передвигался на костылях, многих вели под руки. У всех был жалкий встревоженный взгляд. Со стороны пленных периодически раздавались крики: «Титлер капут». Колонна остановилась в районе Александровско-Мариинской больницы, и многие из немцев в спешке стали черпать с дорог дождевую воду из луж и с жаром ее пить.

Вся эта увиденная картина была невыносима. Это пленные без оружия. Возможно, многие из них оказались на фронте не по своей воле и, как видно, получили по заслугам. Так, видимо, думало большинство присутствовавших астраханцев, которые, к моему глубокому изумлению, стали со всех сторон бросать кусочки хлеба, сушеную воблу и что-то еще съестное пленным немцам. Пленные подбирали эти дары милосердия с земли и тут же стремились быстрее съесть» [21, с. 225–226].

На добродушие советского лагерного начальства в своих мемуарах указывает и пленный Клаус Фритцше, бортстрелок сбитого немецкого бомбардировщика, про-

ведший шесть лет плена в нескольких советских лагерях. По просьбе пленных летчиков была проведена экскурсия по Астрахани. Во время осмотра достопримечательностей их окружила толпа любопытных горожан, лица которых не выражали гнева или ненависти. Лишь один инвалид на костылях что-то кричал и грозил кулаком. Такая реальность шла вразрез с «правдивостью» нацистской пропаганды, так, по словам Фритцше, начиналось «своего рода перевоспитание» [20, с. 24].

«Население в целом относилось к нам доброжелательно», – свидетельствовали и другие немцы, находившиеся в плену в Астрахани. Пленные особо отмечали глубокую человечность русских женщин, сострадание к «вчерашнему врагу». Врач Кунно Валь увидел неповторимую доброту души русской женщины, подчеркнув, что они «настоящие героини страны» [10, с. 359].

В годы Первой мировой войны пленные постоянно искали контактов с местным населением, которое в целом относилось к ним с сочувствием. Во многом на этом сказывалась православная традиция сострадания к обездоленным, – считает Б.И. Ниманов [14, с. 15–16].

Наряду с добросердечием горожане Поволжья проявляли в адрес военнопленных спектр отрицательных эмоций. Проблемы, вызванные Великой Отечественной войной, прежде всего недостаток финансовых средств и ограничение потребляемого продовольствия в городе в ряде населенных пунктов, послужили основой негативного отношения горожан к военнопленным. В них обыватели стали видеть источник дополнительных затрат и конкурентов, отбирающих у местных жителей возможность получения дохода. Эпидемия тифа среди военнопленных вызвала у горожан паническое настроение. Исследователи отмечают, что затягивание войны превращало военнопленных в обузу для местных жителей и влияло на дестабилизацию ситуации [16, с. 593–594]. Эти факты типичны, сходные процессы происходили и в Астраханской губернии.

Власти стремились полностью изолировать военнопленных и не допустить их контакты с местным населением, общение между офицерами и нижними чинами, с военнообязанными. Однако на практике данную проблему решить не удалось. История лейтенанта первого лейб-гусарского гвардейского полка Гильденбрандта, за которым летом 1916 г. велось наблюдение полиции, зримо отражает степень свободы передвижения, «сношений» пленного немецкого офицера в Астрахани. Он посещал общественный госпиталь Красного Креста «для лечения ноги», баню, вел беседы с пастором Лоппе, покупал лекарства в городских аптеках, пользовался услугами парикмахера, зубного врача, фотографа, обедал в лучших ресторанах города, общался, несмотря на запрет, с военнообязанными. Такие встречи были зафиксированы у знаменитой кондитерской Шарлау, куда лейтенант заезжал не раз. Это заведение и в то время пользовалось не меньшей популярностью, чем у современных горожан. Владелец кондитерской Карл Карлович Шарлау был выслан из Астраханской в Вятскую губернию как военнообязанный германскоподданный по распоряжению астраханского губернатора [18, с. 194–195].

Вся корреспонденция военнопленных проходила через военную цензуру, не справлявшуюся с потоками писем, что вело к задержке отправления и вызывало справедливые нарекания правительства. Однако еще большую тревогу вызывали факты отправки писем военнопленными в обход цензоров. Это случалось во время их перемещения по железным дорогам. На «малых» станциях при помощи русских граждан они отправляли послания на родину. Такое участие к иностранным пленным со стороны русских обывателей признавалось властями вредным и недопустимым.

Среди жителей Астрахани распространили 60 экземпляров трудов чрезвычайной следственной комиссии о жизни «наших военнопленных во вражеских странах». О зверствах германского плена писали и астраханские газеты [18, с. 190].

В начале июня 1916 г. астраханскому губернатору, как и прочим начальникам губерний, Министерством внутренних дел вменялось установить наблюдение за частными лицами, входившими в «непосредственное сношение» с военнопленными.

Неизбежными точками соприкосновения с местными жителями становились места работы военнопленных. Их труд использовался как местными властями, так и частными лицами. Они работали на городских предприятиях (городской ассенизационный обоз, строительство городской электростанции), мостили улицы, строили дороги и городскую канализацию, очищали водостоки, сооружали валы для защиты города от наводнений, привлекались для уборки урожая [17, с. 61–72].

Пленные были прикреплены к 47 различным заведениям, в том числе к Союзу помощи больным и раненым воинам, часовой мастерской Фишкина, садоводству Господчикова, заводам Керамик, Нобеля и Сундукова, Астраханскому холодильнику, Комитету Марии Павловны и др. Они были полезны как свободные рабочие руки, обеспечивающие выполнение ряда работ для местной администрации и предпринимателей. Архивные документы свидетельствуют, что астраханские работодатели в целом положительно отзывались о трудившихся на их предприятиях военнопленных. С другой стороны, в военнопленных, прежде всего рабочих и не имевшие запасов продовольствия «обыватели», видели угрозу своему материальному «благополучию», считая их конкурентами в получении работы и провианта [16, с. 583, 595].

Одним из проявлений недовольства населения можно считать анонимное заявление жителя Царевского уезда к астраханскому губернатору, датированное июлем 1915 г., с жалобой на нежелание военнопленных, находящихся в с. Быково и слободе Николаевка, участвовать в сельскохозяйственных работах. Как следует из заявления, «работать пленные способны, но не хотят... рожь и пшеница созрели, пленные ленятся работать, а своих нет... хлеб гибнет и гибнет крестьянская сила с ним... пленные не хотят убирать хлеб...» [5, л. 110].

Как следует из рапорта Енотаевского уездного исправника от 18 сентября 1915 г. астраханскому губернатору о противоправном поведении и аресте военнопленного И. Зингера, находившегося на сельхозработах в хозяйстве крестьянина из села Сасыколи И. Федотова-Лазырина: «...Все время нахождения у Лазырина Зингер отказывался от исполнения возлагаемых на него работ или неохотно выполнял их, мотивируя тем, что делать не разумеет и русского языка не понимает... позволил себе ударить другого русского рабочего, за что был подвергнут аресту...» [5, л. 332].

В годы Второй мировой войны имели место сходные ситуации. Так, например, секретарь Астраханского ГК ВКП(б) направил начальнику Астраханского областного УМВД акт, составленный заместителем начальника механического цеха завода имени X лет Октября, об избииении ученика фрезеровщика военнопленным [9, л. 1].

Начальнику областного УМВД тов. Кулику неоднократно докладывали, что военнопленные под разными предлогами похищали с судоремонтного завода им. Ленина всевозможные материалы, но руководство лагеря никаких мер не принимало, в результате чего хищения участились. 18 ноября 1947 г. один из военнопленных перебросил через забор завода два листа кровельного железа, но был задержан командиром отделения военизированной охраны. Из объяснений пленного было понятно, что железо он взял «для бани лагеря». В тот же день стрелком военизированной охраны был задержан другой военнопленный «с похищенным алебастром в количестве 24 кг. При допросе он сказал, что алебастр взял для побелки комнаты лагеря» [2, л. 246].

Из объяснительной записки начальника лагерного отделения № 3 следовало, что после окончания октябрьских праздников старшему зоны было дано задание побелить прачечную, сушилку и обшить железом пол под умывальниками. «Последний не предупредил, что материала для этого нет. Поэтому старший зоны... дал задание военнопленным... принести с завода извести и два листа железа, за что они и были задержаны». После инцидента было проведено собрание с военнопленными, на ко-

тором разъяснены последствия краж на производстве. На военнопленных, совершивших кражу, было наложено взыскание – пять суток ареста, а старшему зоны объявлен выговор и сделано предупреждение, что при повторных случаях будут приниматься меры, вплоть до предания суду [2, л. 247].

Военнопленных уличали в воровстве и в самом лагере. Так, в лагерном отделении № 2 в июле 1946 г. один из военнопленных во время прополки овощей бросил работу и ушел на «участок моркови», которую стал выкапывать для личных целей, за что был арестован на трое суток. 23 августа 1946 г. заведующий столовой был арестован на пять суток «с содержанием в карцере» за систематические хищения продуктов в корыстных целях. В это же время был арестован на трое суток с содержанием в карцере военнопленный за систематическое хищение рыбы на рыбозаводе им. Крупской [8, л. 100].

Несмотря на то, что ведомственные инструкции строжайшим образом запрещали общение контингента с населением, в процессе труда такие контакты были неизбежны. Как следовало из доклада о состоянии управления лагеря № 204 начальника управления старшего лейтенанта госбезопасности Дубровина, «...внешняя охрана до декабря месяца [1944 г.] осуществлялась первое время рабочими предприятий, на территории которых находились лагерные отделения. Эти люди были в большинстве инвалиды или не способные носить оружие и охранять военнопленных. Плохо обстояло дело в отношении конвоирования военнопленных на производство, не было конвойного подразделения и вахтерской команды – вынуждены были осуществлять конвоирование и охрану на производстве выделенными рабочими, последние по своим деловым качествам ни коей мере не обеспечивали изоляцию военнопленных с населением, обменивали вещи на продукты питания и т.д. Кроме этого в лагерном отделении № 2 [при льдосолькомбинате Волго-Каспийского Госрыбтреста, находилось в поселке Нариманово] военнопленные уходили с производства, ходили по домам и просили покушать (начальник отделения № 2 капитан Вартанян – снят с работы)» [15, л. 22].

Широкое распространение получила практика обмена между пленными и населением. Сформировался своеобразный «черный рынок», где за килограмм хлеба пленные платили 100 руб., стакан махорки – 15 руб., литр вина или водки – 300 руб. Нередко местные жители передавали пленным целые продовольственные посылки. В обмен на хлеб и прочие продукты питания пленные отдавали не только деньги, но и личные вещи (золотые кольца, часы и т.п.), а также поделки, изготовленные собственными руками. Если об этом становилось известно кому-то из сотрудников лагеря, то его «задабривали» папиросой [12, с. 455]. Подобные факты были характерны и для Астрахани.

Масштабы такого обмена не могли остаться незамеченными. Руководство НКВД – МВД неоднократно направляло на места директивы, предписывавшие «принять меры, исключающие свободное общение военнопленных с гражданским населением». Однако не только пресечь, но и ограничить контакты оказалось невозможно [12, с. 456]. Военнопленные 1949 г. выглядели превосходно: все в возрасте 25–40 лет, сытые, здоровые, веселые, организованными колоннами в прекрасном военном обмундировании и добротной обуви, они бодро шагали каждое утро по окраинам Астрахани. Каждый второй выучился говорить по-русски. Проходя по улицам, громко и весело из колонны приветствовали встречавшихся знакомых горожан. Те им отвечали таким же дружелюбием. К тому времени охрана военнопленных стала совершенно символической. Выполняли ее те же военнопленные из числа вспомогательных команд. От прежней настороженности советского населения к вражеским военнопленным не осталось и следа [22, с. 136–137].

Клаус Фритцше, побывавший плену (в том числе и в астраханском), так рассказывает в своих воспоминаниях об уроках русского языка: «Меня перенесли в лагерь, где я познакомился с молодой женщиной – врачом лагеря. Она разместила меня

в медпункте и очень заботилась о моем здоровье. Какими лекарствами и средствами она меня лечила – забыл. Помнится, что лежал я один в небольшом помещении, и товарищи приносили мне положенное питание не без надежды на то, что больной не захочет есть. Так часто и случалось.

Нередко врач приходила ко мне и пыталась побеседовать со мной. Ее знания английского и немецкого были плачевные, то есть коммуникация между нами протекала на довольно низком по содержанию уровне. Уровень мог подниматься только в присутствии политрука Мейера, а это, как мне показалось, отнюдь не нравилось Тамаре Николаевне, как ее звали. Слишком уж Мейер определял тему разговора по своим соображениям, которые, казалось, не соответствовали желаниям женщины.

Интересы врача, Тамары Николаевны, были далеки от политики, тут был личный интерес. Сначала было просто гуманное отношение. Она принесла мне учебник русского языка для немцев и русско-немецкий словарь, работу организовала так, чтобы было время для изучения русского языка. Я с усердием взялся за учебу. А если к этому приложить частые разговоры со мной по-русски, то получалась связь теории с практикой. Дело медленно, но продвигалось вперед. Через месяц я уже переводил статьи из газеты “Правда”, военные бюллетени, где был ограниченный запас часто повторяющихся слов. Лейтенант Мейер выступал в роли учителя и корректора моих переводов, что не нравилось врачу, это якобы мешает мне в учебе. Июль и август были посвящены освоению разговорной речи, а единственным партнером была Тамара Николаевна. Темы разговоров постепенно переходили в сферу эмоциональную, а заодно помогали и в медицинском направлении.

Вечером после работы мы с Тамарой Николаевной сидим в медпункте, она за письменным столом, а я, напротив, и смотрим друг другу в глаза. Она, очевидно, решила, что я уже достаточно знаю русский язык, чтобы позволить нам общение на душевном уровне. А я, к сожалению, не был подготовлен к таким тонким темам. Просто по общему психологическому состоянию, хотя смысл ее слов понял. Спрашивает она: “Коля, ты меня любишь?” Найти ответ на такой вопрос довольно просто. Она со мной обращалась как с хорошим другом, но я решил повысить оценку. Отвечаю: “Да, как родную мать”.

Никогда не забуду взрыв отвращения и изумления на ее лице. Глаза ее, только что излучавшие доброту, стали черными и метали молнии гнева. Она встала и вышла без слов, а я сидел и соображал, что за преступление я совершил. Она была старше меня лет на 5 или 7, облик ее меня не воодушевлял, а переход из положения летчика в раба я еще не ощутил, не понял.

Может быть, все случилось к лучшему, так как тесные связи персонала с пленными карались тогда очень строго.

Но ... за свое “нет” я получил сполна. Последствия разговора сказались быстро. Я на собственном опыте узнал, что такое женское издевательство. Тамара Николаевна стала обращаться на “вы”, ругала меня как только могла. Целыми днями я должен был чистить все сверху вниз, а окончив, все начинать сначала» [20, с. 27–29].

Приведенный фрагмент воспоминаний военнопленного обращает внимание исследователей на важный, но в недостаточной степени изученный аспект военного плена – общение военнопленных с женщинами [1, с. 78–84].

Военнопленные стали частью повседневной жизни астраханцев. Неизбежны были отношения между мужчинами и женщинами.

Юные астраханки с особым любопытством отнеслись к появлению в губернском центре военнопленных. Из письма «в действующую армию» Александру Мартеньянову от Александры Ж. 27 января 1915 г.: «...За австрияков зря меня пробрали, наоборот, при встрече с ними стараюсь отпустить какую-нибудь колкость. Груня и Шура – это вот другое дело; они обегали все оранжереи, скупая красную гвоздику, затем накупили шоколаду, фунтов 10, кажется, и с этими дарами направились навестить австрияков-душек; приходят туда, часовой не пускает, пустили деньги в ход,

часовой не умолим, тогда наши барышни стали ждать благоприятного момента; и приключилась с нашим часовым такая история, что он куда-то не то отлучился, ни то загляделся, нашим барышням только того и надо было. Вернулся на своё место – слышит, пленные с кем-то говорят, и по-русски скорее дверь на запор, а сам к дежурному офицеру, наши смекнули, что дело плохо – давай упрашивать солдата об обратном пропуске, солдат ни с места, они на колени, солдат не умолим. В это время является полковник с полицией и их под конвоем в полицию, туда же вызвали и родителей. Много было хлопот и наконец-то с большим трудом выдали их на поруки, но с условием, что ноги “наших сердобольных” не будет больше в крепости. Дело было как-то ещё осенью, когда прибыла их первая партия. И надо ещё Вам сказать, что в это же время был сломан мой любимый зонтик. Груня взяла его потихоньку, думала видно при посредстве его окончательно пленить “непризнанных героев...”» [11, с. 284–285].

В городе и уездах было много беженцев, интернированных. В рапорте командира 4-й роты 692-й пешей Саратовской дружины, охранявшей в Астрахани военнопленных (в апреле 1916 г.), отмечено, что пленные офицеры, размещенные в здании женского училища, и женщины из примыкавшего к училищу дома весело общаются между собой. Дневальный рядовой Петриченко доложил, что неизвестная женщина говорила по-немецки с пленным капитаном Борнемиско, гулявшим во дворе. Другие женщины и ранее замечались в «пересмеивании» с пленными, «делали им какие-то знаки» с балкона соседнего дома. В доме Буракова также заметили, что неизвестная женщина-беженка смеялась, пыталась говорить с пленными офицерами [6, л. 9].

На Форпосте, в квартире, где проживала военнообязанная Паулина Фридрих, в апреле 1917 г. застали военнопленного Густава Мереца, состоявшего с ней в «близких отношениях». Пленный дерзко вел себя с представителями милиции.

С момента появления военнопленных австрийцев в Астрахани местные газеты обозначили тему их «теплой встречи» астраханками. Один из номеров газеты «Астраханский вестник» прочитали воины-астраханцы, от имени которых написал письмо с фронта в редакцию «гусар» В.Ф. Соколов. Он выразил возмущение по поводу подобного отношения соотечественниц к врагам. «Ухаживать за нашей спиной», «кокетничать с пленными», «заискивать» перед ними называлось «позором для русской женщины» [18, с. 206].

Такого рода примеры, по мнению Е.Ю. Семеновой, поднимают проблему не просто столкновения в условиях войны индивидуального и общественного мировоззрения, но и сочетания в сознании представительниц женского городского населения противоречивых ценностных ориентиров, при котором происходило наложение и замещение одних ценностей другими. В отмеченных выше случаях влечение перерастало в жизненную практику, которая в условиях мирного времени воспринималась бы как любовный роман между женщиной и женщиной, а в условиях войны получила в глазах окружающих оценку развратных действий [16, с. 592].

Следует признать, что надзор за военнопленными на городских работах был не особенно строгий. На этот факт неоднократно указывал губернатор Соколовский. Военнопленные нижние чины «...ходили по городу и в костел – без всякой охраны», что не отвечало правилам. Весной 1917 г. они свободно гуляли, посещали общественные и увеселительные места, что также было запрещено. Например, неоднократно в октябре 1917 г. задерживали военнопленного австрийской армии А. Венгера за то, что в одной из городских квартир он переодевался и без формы, в «вольной» (гражданской) одежде гулял ночами по Астрахани [18, с. 200].

Военный министр разрешил в качестве общей меры вступать в брак с русскими пленными неприятельским военнопленным славянам. Льготы в отношении пленных славян побудили их обращаться с ходатайствами о браке и улучшении жилищных условий. В августе 1917 г. военнопленный Георг Пецарский подал прошение начальнику лагеря военнопленных выдать ему удостоверение, подтверждающее его проис-

хождение («из сербов») и вероисповедание («православного»). Удостоверение необходимо было для получения разрешения на брак с правом жить в частной квартире и заниматься трудовой деятельностью в соответствии с профессией (занимался «парикмахерством») [18, с. 206].

В составе формировавшегося в 1919 г. в Астрахани 1-го Астраханского Интернационального полка немало было бывших военнопленных. Кто-то из военнопленных участвовал в защите советской власти, кто-то «осел» в Астрахани, обретя семью, многие изъявили желание вернуться на родину. Так, свое желание вернуться выразили в 1919 г. словак Григорий Врабек, поляки Иосиф Кудза и Роман Жита, русин Василь Мендрамор и др. В августе 1919 г. уволили со службы (масленщика масленого отделения хлебопекарни отдела снабжения 34 стрелковой дивизии) бывшего военнопленного австрийских войск Карла Рейзляра на основании удостоверения, выданного ему Астраханским отделом Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов ввиду разрешения ему выезда из Астрахани. «Возложенные на него обязанности он выполнял добросовестно и аккуратно, отпусками не пользовался», – сообщил начальник хлебопекарни.

Карл Возница собирался на родину вместе с женой Таисией. Готовились к отъезду и работавший на хлебопекарне № 5 г. Астрахани Дольянский, и сапожник, австро-венгерский подданный Лублицкий [18, с. 207].

В период Второй мировой войны подобные факты также имели место. Работа русских и немцев зачастую в одном цехе поневоле заставляла людей вступать в контакт друг с другом. Массовый характер, как отмечалось в спецсообщениях НКВД, приобрели дружеские беседы, ухаживания, тайные встречи, совместные выпивки и прочие «интимные связи». Здесь нужно учитывать то обстоятельство, что многие женщины за годы войны стали вдовами. Численность мужского населения в тылу резко сократилась. В свою очередь, пленные долгое время были лишены общения с противоположным полом. Все это благоприятствовало установлению «запрещенных отношений» [12, с. 460–461].

Отчет «О состоянии режима охраны» фиксирует следующий факт: «12.01.1945 г. начальник лагерного отделения № 7 разрешил вывод без конвоя старшего по зоне военнопленного К., который ходил по зоне в баню, на склад и т.д. Пользуясь свободным входом и выходом из зоны, военнопленный К. зашел к гражданке Н., с которой имел интимную связь. Зная об этом, капитан К. не донес, а скрыл этот факт» [7, л. 8.].

Из отчета за 3-й квартал 1946 г. «О состоянии режима охраны в лагерном отделении № 6 (оздоровительное лагерное отделение в здании бывшей школы им. Халтурина) следует, что «... в июле 1946 г. военнопленные Х. и Г. вышли из зоны с разрешения офицера Н., они пошли гулять с русскими девушками, и гуляли с ними до часу ночи». После ареста этих военнопленных отправили в штрафные роты [8, л. 108–109].

Наиболее типичными были контакты между пленными и медперсоналом. Лагерная документация содержит многочисленные упоминания о подобных «неустановленных отношениях». Пользуясь протекцией женщин-врачей, пленные получали дополнительное питание и обретали шанс раньше вернуться на родину. Наибольшее число любовных связей приходилось на расконвоированных. Однако если возникали подозрения в излишней вольности поведения, военнопленные подлежали законвоированию [12, с. 461, 463].

В свою очередь, предусматривалось наказание и для медперсонала, женщин, уличенных в интимных связях с пленными. Сотрудницы, замеченные в «порочных связях», обсуждались на партсобраниях. Наказанием за вступление в интимные отношения с немцами – «врагами всех миролюбивых народов» – служило исключение из партийных рядов и увольнение с работы [12, с. 462]. В отчете «О работе отделения кадров управления лагеря № 204 МВД СССР за 1947 г.» находим следующую запись: «... Уволена за: в) Морально-бытовое разложение: медсестра лазарета Ш.,

1925 г.р., фельдшер лагерного отделения № 2 Ф., 1924 г.р., медсестра лагерного отделения № 2 М., 1905 г.р., за половую связь с военнопленными» [3, л. 97].

Исследование гуманитарных аспектов военного плена позволяет зримо увидеть различные стороны бытования «узников войны», контактные зоны с местным населением, поведенческие реакции, общественные настроения и индивидуальные практики. Пребывание иностранных военнопленных в Астраханском крае в годы мировых войн было заметным явлением, влиявшим на разные стороны конфликтов.

Список литературы

1. Абдрашитов Э. Е. Женщины и военнопленные: проблема дискурса (по материалам региональной периодической печати и эго-документов) / Э. Е. Абдрашитов // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 2.
2. АИЦ УМВД АО. – Ф. 21, оп. 2, д. 13.
3. АИЦ УМВД АО. – Ф. 21, оп. 2, д. 17а.
4. Астраханский вестник. – № 227. – 1914. – 13 ноября.
5. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 1, оп. 2, д. 1496.
6. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 290, оп. 3, д. 844.
7. Государственный архив Астраханской области. – Ф. Р. 2609, оп. 1, д. 3.
8. Государственный архив Астраханской области. – Ф. Р. 2609, оп. 2, д. 7.
9. Государственный архив современной документации Астраханской области. – Ф. 9, оп. 1, д. 824.
10. Карель П. Немецкие военнопленные Второй мировой войны 1939–1945 / П. Карель, Г. Беддекер. – М., 2004.
11. Катруца М. Ю. Фронтная переписка Астраханцев 1914–1917 гг. / М. Ю. Катруца // Астраханские краеведческие чтения. – Астрахань, 2014. – Вып. 6.
12. Кузьминых А. Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956 гг.) / А. Л. Кузьминых. – Архангельск, 2014.
13. Нагайкина С. И. Поляки в Астрахани. 1914–1918 годы / С. И. Нагайкина // Астраханские краеведческие чтения / под ред. А. А. Курапова. – Астрахань, 2013. – Вып. 5.
14. Ниманов Б. И. Особенности и основные факторы содержания и хозяйственная деятельность военнопленных в 1914–1917 годах в Поволжье / Б. И. Ниманов. – М., 2009.
15. Российский государственный военный архив. – Ф. 1п, оп. 13а, д. 9.
16. Семенова Е. Ю. Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический и политический аспекты / Е. Ю. Семенова. – Самара, 2012.
17. Тимофеева Е. Г. Использование труда иностранных военнопленных в период Первой мировой войны (на материалах Астраханской губернии) / Е. Г. Тимофеева, С. А. Федин, С. В. Лебедев. – Астрахань, 2015. – Ч. 1.
18. Тимофеева Е. Г. Астрахань в событиях Великой войны 1914–1918 годы / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, А. И. Байгушин, А. В. Олейников. – Астрахань, 2014.
19. Федин С. А. Содержание и охрана военнопленных опыт мировых войн (на материалах Астраханского региона) / С. А. Федин, Е. Г. Тимофеева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6 (101).
20. Фритцше К. Вынужденная посадка: записки немецкого военнопленного / К. Фритцше. – М., 2006.
21. Шеин О. В. На Астраханском направлении: история боевых действий в калмыцкой степи в 1942 году / О. В. Шеин. – Астрахань, 2010.
22. Яковенко Д. Д. Лагерь военнопленных № 204 НКВД-МВД СССР в Астрахани в 1944–1950 годах / Д. Д. Яковенко. – Астрахань, 2001.

References

1. Abdrashitov E. E. Zhenshchiny i voennoplennye: problema diskursa (po materialam regionalnoy periodicheskoy pechati i ego-dokumentov) [Women prisoners of war: the problem of discourse (on the mother-lam regional periodicals and ego-documents)]. *Vestnik Tyumensko gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2012, no. 2.
2. *AIC MIA AR*, the found 21, inventory 2, case 13.
3. *ARC MIA AR*, the found 21, inventory 2, case 17a.
4. *Astrakhan Herald*, 1914, 13 November, no. 227.

5. *State Archives of the Astrakhan Region*, the found 1, inventory 2, case 1496.
6. *State Archives of the Astrakhan Region*, the found 290, inventory 3, case 844.
7. *State Archives of the Astrakhan Region*, the found R 2609, inventory 1, case 3.
8. *State Archives of the Astrakhan Region*, the found R 2609, inventory 2, case 7.
9. *State Archives of the Astrakhan Region*, the found 9, inventory 1, case 824.
10. Karel P., Beddeker G. *Nemetskie voennoplennyye Vtoroy mirovoy voyny 1939–1945* [German POWs of World War II, 1939–1945]. Moscow, 2004.
11. Katrutsa M. Yu. Frontovaya perepiska Astrakhantsev 1914–1917 gg. [Frontline Astrakhantsev correspondence of 1914–1917]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local history reading]. Astrakhan, 2014, no. 6.
12. Kuzminykh A. L. *Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genезis, funkcionirovanie, lagernyy opyt (1939–1956 gg.)* [The system of military captivity and internment in the Soviet Union: genesis, function, the camp experience (1939–1956 gg.)]. Arkhangelsk. 2014.
13. Nagaykina S. I. Polyaki v Astrakhani. 1914–1918 gody [Poles in Astrakhan. 1914–1918 years]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan ethnographer-cal reading: collection of papers]. Ed. by A. A. Kurapov. Astrakhan, 2013, vol. 5.
14. Niemann B. I. *Osobennosti i osnovnye faktory soderzhaniya i khozyaystvennaya deyatelnost voennoplennykh v 1914–1917 godakh v Povolzhe* [Features and content of the main factors and economic activities of prisoners in 1914–1917 in the Volga region]. Moscow, 2009.
15. *Russian State Military Archive*, the found 1p, inventory 13a, case 9.
16. Semenova E. Yu. *Mirovozzrenie gorodskogo naseleniya Povolzhya v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – nachalo 1918 gg.): sotsialnyy, ekonomicheskyy i politicheskyy aspekty* [World urban population of the Volga region during the First World War (1914 – beginning of 1918.): Social, economic, and the Political aspects]. Samara, 2012.
17. Timofeeva E. G., Fedin S. A., Lebedev S. V. *Ispolzovanie truda inostrannykh voennoplennykh v period Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Astrakhanskoy gubernii)* [The use of foreign labor of prisoners of war during the First World War (on materials of the Astrakhan province). Collection of articles and documents]. Astrakhan, 2015, part 1.
18. Timofeeva E. G., Lebedev S. V., Baygushin A. I., Oleynikov A. V. *Astrakhan v sobytiyakh Velikoy voyny 1914–1918 gody* [Astrakhan in the events of the Great War of 1914–1918]. Astrakhan, 2014.
19. Fedin S. A., Timofeeva E. G. *Soderzhanie i okhrana voennoplennykh opyt mirovykh voyn (na materialakh Astrakhanskogo regiona)* [The maintenance and protection of prisoners of war experience of world wars (on materials of the Astrakhan region)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 2015, no. 6 (101).
20. Fritzsche K. *Vynuzhdennaya posadka: zapiski nemetskogo voennoplennogo* [Downing: notes of the German prisoner of war]. Moscow, 2006.
21. Shein O. V. *Na Astrakhanskom napravlenii: istoriya boevykh deystviy v kalmytskoy stepi v 1942 godu* [In Astrakhan direction: history of fighting in the Kalmyk steppe in 1942]. Astrakhan, 2010.
22. Yakovenko D. D. *Lager voennoplennykh № 204 NKVD-MVD SSSR v Astrakhani v 1944–1950 godakh* [Camp prisoners number 204 of the NKVD, the Soviet Interior Ministry in Astrakhan in 1944–1950 years]. Astrakhan, 2001.